

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 162–191.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 162–191.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-162-191

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ АНРИ БЕРГСОНА В РОССИИ: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ (1912–1914, 1932)

Модест Алексеевич Колеров

Государственный архив Российской Федерации,
Москва, Россия, kolerovm@gmail.com

 Аннотация. Публикация прежде не введенных в научный оборот русских рецензий на переводы трудов Анри Бергсона, изданных в России или находящихся в общем контексте рецепции философии Бергсона в русской культуре. Представленные тексты пополняют известные труды и библиографию по этой теме, а также актуализируют ежедневную периодику как источник по истории русской философии.

 Ключевые слова: Анри Бергсон, русские переводы, русские рецензии, рецепция философии Бергсона в России, периодика как источник по истории русской философии

© Колеров М. А., 2023

Ссылка для цитирования: Колеров М. А. Интеллектуальный взрыв Анри Бергсона в России: новые документы (1912–1914, 1932) // *Философические письма*. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 162–191.
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-162-191.

Archival Materials. Unpublished Papers

HENRI BERGSON'S INTELLECTUAL EXPOSITION IN RUSSIA:
NEW DOCUMENTS (1912–1914, 1932)

Modest A. Kolerov

The State archive of the Russian Federation,
Moscow, Russia, kolerovm@gmail.com

Abstract. Publication of previously unpublished Russian reviews of translations of Henri Bergson's works, published in Russia or in the general context of the reception of Bergson's philosophy in Russian culture. The presented texts supplement the well-known works and bibliography on this topic, as well as update the daily periodicals as a source on the history of Russian philosophy.

Keywords: Henri Bergson, Russian translations, Russian reviews, reception of Bergson's philosophy in Russia, periodicals as a source on the history of Russian philosophy

For citation: Kolerov, M. A. (2023) "Henri Bergson's Intellectual Explosion in Russia: new documents (1912–1914, 1932)", *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 162–191. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-162-191.

Творчество Анри Бергсона (1859–1941) на рубеже 1900-х и 1910-х годов произвело в России настоящий интеллектуальный взрыв, сделав его имя одним из символов актуальной европейской философии. До этого такой популярностью пользовались только несколько имен западных мыслителей, среди которых первенствовали Кант, Маркс, Фихте, отчасти Шеллинг. Их влияние и восприятие в России давно и хорошо изучено, послужило предметом для целой научной литературы. По сравнению с ними Бергсон до сих пор остается в интеллектуальной тени, несмотря на мгновенно вышедшее в России

собрание его сочинений в русском переводе [Бергсон, 1913–1914], несмотря, наконец, на выдающиеся труды о восприятии Бергсона в России, вышедшие из-под пера Френсис Нэтеркотт [Нэтеркотт, 2008]¹, И. И. Блауберг [Блауберг, 2003] и И. И. Евлампиева [Евлампиев, 2015].

Труд Ф. Нэтеркотт сопровождается обширной библиографией, дающей перечень репрезентативных источников по истории русской, советской и иностранной бергсоняны и ее исследованиям². На основе русской и советской частей этой работы И. И. Евлампиевым составлена дополненная библиография по теме³.

Библиографическому измерению темы и посвящена настоящая публикация новых источников по истории русской мысли в целом и рецепции философии Бергсона в России в частности. Новыми источниками их можно назвать исключительно с позиций традиционного исторического источниковедения, которое давно уже служит фундаментальной основой для самой исторической науки и вводит в круг новых те источники, что еще не были использованы в исследовании темы. Такое источниковедение в применении к истории философии находится, мягко говоря, в самом зачаточном состоянии. При этом исследователям русской мысли хорошо известно источниковое разнообразие опубликованных текстов. Здесь и отчеты о заседаниях Религиозно-философских обществ Москвы, Санкт-Петербурга и Киева 1900–1910-х годов, Вольной философской ассоциации, актуализированные в трудах А. В. Соболева [Соболев, 2008]⁴, Н. Г. Филлипенко [Филиппенко, 2021], В. Г. Белоуса [Белоус, 2005] и др. И, например, газетная работа И. А. Ильина, суммированная в его собрании сочинений Ю. Т. Лисицей [Ильин, 1993–2015]. И газетная работа Н. А. Бердяева, помимо его авторских собраний, суммированная в давнем томе из неоконченного собрания сочинений, если не ошибаюсь, А. Н. Богословским (1937–2008) [Бердяев, 1989]. И эмигрантский газетный «Дневник политика» П. Б. Струве, собранный его наследником Н. А. Струве (1931–2016) [Струве, 2004]⁵. И тотальная репрезентативность газетно-журнальной работы С. Л. Франка, включаемая в его Полное собрание сочинений, начатое в текстологической части такими ав-

¹ Как издатель этой книги в серии «Исследования по истории русской мысли» (т. 13), свидетельствую, что инициатором ее издания была именно И. И. Блауберг. Этот труд она сопроводила и своими публикациями в названной серии: [Блауберг, 2007; Франк, 2014].

² См. [Нэтеркотт, 2008, с. 402–426].

³ См. [А. Бергсон: pro et contra ... , 2015, с. 860–868].

⁴ См. также [Религиозно-философское общество ... , 2009].

⁵ См. также собрания уже сугубо политических статей Струве: [Колеров, 2020; Струве, 2020]. См. также [Шульгин, 2020]. Требуется обязательных собраний наследие идейно-политических статей П. Н. Милюкова и А. Ф. Керенского.

торитетными исследователями, как Т. Н. Резвых и Г. Е. Аляев [Франк, 2018–]. А также наследие Г. П. Федотова [Федотов, 1996–2004], П. А. Сорокина⁶, Ф. А. Степуна и Д. И. Чижевского, собранное соответственно С. С. Бычковым, В. В. Саповым, В. К. Кантором и В. В. Янценом. Отчасти повезло и Н. В. Устрялову (прежде всего благодаря трудам О. А. Воробьева) с переизданием его газетных статей, впрочем, первоначально собранных самим автором в книги. Известны и переиздания некоторых газетных статей С. Н. Булгакова, В. П. Свенцицкого (прежде всего благодаря трудам С. В. Черткова) и В. Ф. Эрна. Особняком стоят собрания интеллектуальной критики В. Б. Шкловского [Шкловский, 2019], В. В. Розанова, дважды составленные А. Н. Николюкиным [Розанов, 1994–2010; 2014–], но они вряд ли могут быть прямо отнесены к философской мысли, несмотря на их выдающееся значение для истории русской мысли вообще.

Впрочем, приведенный перечень собраний журнальных (из неспециализированных философских журналов) публикаций источников по истории русской философии почти исчерпывается названными именами, а задача тотального освоения газетных источников озвучена, но остается до сих пор более всего пожеланием [Колеров, 2022].

Предварительно могу назвать ряд других имен первого и второго ряда из наследия русской философии и идейной критики, чьи труды из периодики (и особенно из газет!) до сих пор не собраны: Е. Н. Трубецкой,⁷ Б. В. Яковенко, А. К. Дживелегов, А. Л. Волынский, А. З. Штейнберг, П. И. Новгородцев, Б. П. Вышеславцев, П. П. Муратов, С. И. Гессен, М. В. Вишняк и др. Велико несобранное дореволюционное газетное наследие участника триумвирата Мережковских Д. В. Философова, но оно, впрочем, является чистым журнализмом и не носит особого идейного характера.

Добровольная «слепота» исследователей в отношении к газетным публикациям источников по истории философии явлена и в обсуждаемой здесь теме рецепции философии Анри Бергсона в России. Названные выше библиографии русских откликов практически лишены указаний на газетные отклики. Ф. Нэтеркотт упоминает только один такой отклик — профильную статью И. С. Книжника-Ветрова в газете «Речь» (1912). И. И. Евлампиев, повторяя названную, добавляет к ней тоже только одну — Н. О. Лосского в «Биржевых Ведомостях» (1916).

Прежде чем ниже будут опубликованы новые русские газетные и некоторые журнальные отклики на творчество Бергсона, которые прошли мимо внимания упомянутых выше уважаемых исследователей, выскажу свои скромные

⁶ Особенно [Сорокин, 2014].

⁷ Тот факт, что на этом пути возвращения газетной идейной критики лежат неожиданные и существенные открытия, ярко обнажается в этом примере: [Колеров, 2018].

соображения историка русской общественной мысли о причинах интеллектуального взрыва, вызванного философией Бергсона в России.

С. Л. Франк, скептически дистанцируясь от высоких оценок философии Бергсона, воспроизвел градус того интеллектуального взрыва, который она произвела в России. Он написал: «Бергсон принадлежит к числу философских писателей, все произведения которых заслуживают внимания и содержат свежие и яркие мысли. Этим мы совсем не хотим присоединиться к тому восторженно-хвалебному хору, который теперь провозглашает Бергсона исключительным гением и вождем всей современной мысли» [Франк, 2018–, т. 4, с. 325], однако значение его философской системы «до некоторой степени преувеличено модой» [Там же, с. 230].

Представляется, что эта мода, этот особый интерес к Бергсону, проявленный русскими авторами, традиционно ориентировавшимися на политическое неонародничество и партию социалистов-революционеров (представленные прежде всего журналами «Русское Богатство» и «Заветы»), а также социал-демократию и формы русского марксизма (представленные прежде всего некогда либеральной газетой «Русские Ведомости», с 1912 года возглавленной определенным социал-демократом меньшевистского толка В. И. Розенбергом, а также такими компетентными авторами, как П. С. Юшкевич и В. А. Базаров), был вызван в том числе явственным интеллектуальным тупиком, в котором на рубеже 1900-х и 1910-х годов рисковала оказаться русская революционная мысль и ее философия. Ей, уже разочарованной в социологическом и экономическом детерминизме марксистской доктрины (а в конце 1890-х — начале 1900-х ее, помимо социал-демократии, впитали в свой умственный багаж и социалисты-революционеры), уже увлеченной «богоискательством» и «богостроительством» революционной интеллигенции, очевидным образом не хватало философской санкции для оправдания собственной революционности, далекой от детерминизма. Именно личностный «жизненный порыв» Анри Бергсона, дополнительный к историческому детерминизму, и нашел себе благодатную почву в сознании разочарованных русских революционеров. А выдающийся и не оцененный до сих пор первый русский реферативный журнал «Бюллетени литературы и жизни», отмеченный профессиональным интересом к вопросам философии, посвятил Бергсону минимум два обширных реферата, акцентировав прямую линию, проведенную автором между авторитетным русским и международным революционером, анархистом М. А. Бакуниным — и Бергсоном⁸.

⁸ См. переиздание этого текста в [Колеров, 2021]. Источником реферата послужила статья И. Гроссмана «Бакунин и Бергсон» (Заветы. СПб., 1914. № 5), ныне включенная в упомянутую Антологию И. И. Евлампиева. См. также реферат: Лосский о философии Бергсона // Бюллетени литературы и жизни. СПб., 1916–17 [sic!]. № 10. Январь.

О названном идейном контексте вокруг мысли Бергсона в России удачно написал один из компетентных философских критиков крупнейшего русского толстого журнала того времени, много внимания уделившего философу и тем самым буквально создавшего ему широкую общественную репутацию в интеллигентных кругах, — неонароднического «Русского Богатства» — П. В. Мокиевский: «Философия Бергсона приобрела в последнее время известную популярность в России. Десятки лет уже философствует Бергсон, но до самого последнего времени его имя в России совершенно не было известно широкой публике. Во Франции же философия Бергсона давно уже пользуется почетом... ею увлеклись [даже] некоторые синдикалисты: Сорель, например, объявил в “Le Mouvement socialiste”, что, по его мнению, философия Бергсона займет такое же место в истории философии, какое заняла “Критика чистого разума”. Эту философию, одинаково угодившую во Франции и католикам, и синдикалистам, у нас в России особенно возлюбили “богоискатели”...» [Мокиевский, 1909, с. 152]⁹.

Заметный казанский университетский историк философии, событиями Гражданской войны вытесненный сначала во Владивосток, а затем в Харбин, но везде остававшийся верным актуальной философской повестке дня, М. Н. Ершов посреди этого пути, подводя итоги своего времени в обзоре мнений его культурных авторитетов, в их первый ряд поставил и Бергсона, отрекомендовав его как «главу антиинтеллектуалистического движения», которому в России соответствовала, по его мнению, «тенденция антиинтеллектуалистических учений», явленная в трудах Булгакова, Флоренского, Бердяева, Эрнста и «отчасти» Франка [Ершов, 1921, с. 12, 13, 19–24]¹⁰. Сам общий контекст для Бергсона и названного круга Булгакова и Бердяева, который установил М. Н. Ершов, несомненно, вдохновлялся рефлексиями процитированного Франка. Именно Франк критически реконструировал этот контекст. Он писал на пике «взрыва» Бергсона в России:

Философская мысль находится в настоящее время, как все это ощущают, в состоянии кризиса. Проторенные пути и методы господствующего германского направления — «критицизм» во всех его подвидах, «идеализм» и т. п. — начи-

⁹ См. также другие не учтенные в названных библиографиях рецензии на эту тему, вышедшие в этом же журнале, но — как там было принято — анонимно: [Рец.:] Анри Бергсон. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Пер. с французск. А. Баулер. СПб., 1911 // Русское Богатство. СПб. 1912. № 1, III отд.; [Рец.:] Анри Бергсон. Восприятие изменчивости. Пер. с франц. В. А. Флеровой. СПб., 1913 ... // Русское Богатство. СПб. 1913. № 1; [Рец.:] Н. Лосский. Интуитивная философия Бергсона. М., 1914 ... // Русское Богатство. СПб. 1914. № 3.

¹⁰ См. также не вошедшую в названные библиографии статью этого времени: [Ловцкий, 1923].

нают явственно ощущаться как некоторый тупик, из которого нужно выбраться и из которого осторожно, полуощупью начинает выбираться даже и сама немецкая философия. В таком состоянии легко набрасываются на новинки, на пути, прямо противоположные старым. Таков уклон в сторону чистого иррационализма, обусловивший, например, успех плоского прагматизма и гораздо более тонкого, но все же одностороннего и по существу недостаточно глубокого «интуитивизма» Бергсона. В русской философской мысли это сказывается также в возрождении «славянофильской философии», в тенденциях огулом отрицать всю новую западную философию и слить философию с «восточной мистикой»...

[Франк, 2018–, т. 4, с. 456]

Это критическое мнение многое объясняет в громкой судьбе творчества Бергсона в России. Ниже публикуются статьи по их первым публикациям, оставшимся вне внимания библиографий, составленных уважаемыми исследователями:

1. [Рец.:] Анри Бергсон. Материя и Память. Исследование об отношении тела к духу. Перев. с французск. А. Баулер. СПб., 1911. VIII + 268 стр. Ц. 1 р. 50 к. // Русское Богатство. СПб. 1912. № 1. Январь;

2. *Сорокин П. А.* [Рец.:] Новые идеи в философии. Непериодическое издание, выходящее под редакцией проф. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. Сборник № 1. Философия и ее проблемы; Сборник № 2. Борьба за физическое мировоззрение. СПб., 1912. Изд. Образование // Запросы Жизни. СПб. 1912. № 39. 28 сентября;

3. *Яковенко Б.* [Рец.:] Философия Бергсона в популярном изложении г. Уильдона Карра. Перевел с английского И. Румер. М. Книгоиздательство «Творчество». Стр. 61. Ц. 30 к. // Русские Ведомости. М. 1912. 21 ноября;

4. *Яковенко Б.* [Рец.:] Анри Бергсон. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Перевод с французского А. Баулер. VIII+268. СПб. Изд. Д. Е. Жуковского, 1911. Ц. 1 р. 50 к. // Русские Ведомости. М. 1912. 19 декабря;

5. *Яковенко Б.* [Рец.:] Анри Бергсон. Восприятие изменчивости. Лекции, прочитанные в оксфордском университете 26-го и 27-го мая. Перевод с французского В. А. Флеровой. Издание Семенова. 1913. СПб. // Русские Ведомости. М. 1913. 16 января;

6. *Яковенко Б.* [Рец.:] Анри Бергсон. 1) Психологический паралогизм; 2) Сновидение. Перевод с французского В. А. Флеровой. Издание М. И. Семенова. СПб., 1913. Стр. 60. Ц. 50 к. // Русские Ведомости. М. 1913. 6 марта;

7. *Юшкевич П.* [Рец.:] E. Le Roy. Une philosophie nouvelle, 3 éd 1913 г. Félix Alcan; J. Desaynard. Le pensée d'Henri Bergson. Mercure de France; J. Segond. L'Intuition

bergsonienne. 1913 г. Félix Alcan; R. Berthelot. Un romanisme utilitaire: Etude sur le mouvement pragmatisme. Le pragmatisme chez Bergson. 1913 г. Felix Alcan // Вестник Европы. СПб. 1913. Ноябрь;

8. Владимиров М. [Жаботинский В. Е.]¹¹. Анри Бергсон // Утро Юга. Ростов-на-Дону. 1914. 25 июля;

9. Лосский Н. [Рец.:] H. Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. F. Alcan Paris, 1932. (346 pp.) // Новый Град. 5. Париж. 1932.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. [Рец.:] Анри Бергсон. Материя и Память. Исследование об отношении тела к духу. Перев. с французск. А. Баулер. СПб., 1911. VIII + 268 стр. Ц. 1 р. 50 к. // Русское Богатство. СПб. 1912. № 1. Январь

С появлением перевода книги Бергсона «Материя и Память» русский читатель имеет перед собой «всего Бергсона». Известно, что Бергсон написал три книги. Сверх разбираемой теперь нами книги, Бергсон написал еще следующие: «Творческая эволюция» (перевод которой появился в 1909, причем по поводу этой книги в № 6 «Русск. Бог.» за 1909 г. была помещена статья: «Философия Анри Бергсона») и «Время и свобода воли» (русский перевод появился в 1911 г., а в № 5 «Русск. Бог.» за 1911 г. помещена на него рецензия).

Обыкновенно считают книгу Бергсона «Творческая эволюция» самым важным его трудом, завершающим развитие его идей. Конечно, человеку, который хотел бы познакомиться с философией Бергсона по одной какой-либо его работе, придется указать на «Творческую эволюцию», которая будучи последним трудом Бергсона, действительно является как бы завершением цикла его идей. Но если захотят глубоко понять идеи Бергсона, если захотят, так сказать, проследить корни его философии, тогда важнейшим из трудов является разбираемая теперь нами его книга «Материя и Память».

Желая построить свою философию без всяких предвзятых идей о материи и духе, Бергсон исходит из такого утверждения: «я нахожусь в присутствии образов, — принимая это слово в самом широком смысле, — образов воспринимаемых, когда я настораживаю свои пять чувств, и не воспринимаемых, когда мои пять чувств бездействуют» (стр. 1). Но наше тело тоже образ и при том столь исключительный, что *«все происходит как будто в совокупности образов, которую я называю вселенной, ничто действительно новое не может возникнуть иначе, как при посредстве каких-то особых образов, тип которых*

¹¹ Атрибутировано В. Е. Жаботинскому крупнейшим специалистом по его биографии и творчеству Л. Ф. Кацисом (1958–2022), о чем он сообщил лично автору этих строк.

мне являет мое тело» (стр. 2–3). Изучая взаимодействие между образами, мы замечаем, что «одни и те же образы могут одновременно входить в две различные системы, однако одна из них принадлежит *знанию*, где каждый образ, отнесенный к самому себе, имеет абсолютное значение, другая составляет мир *сознания*, где все образы принорованы к центральному образу, нашему телу, следуя за его изменениями» (стр. 11).

Обрисовав таким образом свое общее положение, Бергсон переходит к изучению вопросов о восприятии, о представлении и о памяти. Основную ошибку в теориях восприятия Бергсон видит в том, что восприятию придают познавательный характер, думают, что оно служит для выработки представлений, тогда как «нервная система совсем не есть аппарат для образования или даже приготовления представлений» (стр. 17). «Мозг есть орудие действия, а не представления» (стр. 67). Восприятие есть двигательная реакция организма. Рефлекс есть просто-отраженное движение, а восприятие есть сложно-отраженное движение: движение, прошедшее сквозь сложную и неопределенную организацию. Если психологи придают восприятию познавательный характер, то это лишь потому, что они не умеют отличать чистого восприятия от восприятия конкретно-данного. Чистое восприятие есть только двигательная реакция, при содействии которой организм приспособляется к тому, что ему полезно; тогда как восприятие, данное в каждом конкретном случае, осложняется памятью.

Таким образом Бергсон приходит к изучению вопроса о памяти. Он различает в памяти два элемента. «Прошедшее, — говорит он, на стр. 71, — переживает себя в двух различных формах: 1) в двигательных механизмах, 2) в независимых воспоминаниях... Узнавание присутствующего предмета совершается при помощи движений, когда оно исходит от объекта, при помощи представлений, когда оно исходит от субъекта». Эта интересная идея «двух форм памяти» развита Бергсоном весьма подробно, как на основании явлений нормальной памяти, так и на основании патологических случаев.

В pendant к «чистому восприятию», которое, как мы видели, есть только двигательная реакция, следовательно, нечто материальное, Бергсон создает учение о «чистом воспоминании». Чистое воспоминание не имеет никакой актуальной силы, оно не затрагивает никакой определенной части тела: «чистое воспоминание, будучи непротяженно и бессильно, совершенно непричастно к ощущению» (стр. 148). Реально наши воспоминания являются комбинацией «чистого воспоминания» и двигательной реакции. Совокупность наших воспоминаний Бергсон схематически изображает в форме конуса, в неподвижном основании которого лежат наши воспоминания, а подвижная вершина

которого соответствует нашему настоящему, причем эта вершина упирается в плоскость, соответствующую нашему «актуальному представлению вселенной».

Таким образом, «тело, всегда направленное в сторону действия, имеет основной функцией ограничивать, в виду действия, жизнь духа. По отношению к представлениям оно — орудие выбора, и только выбора. Оно не может ни порождать умственного состояния, ни быть причиной его. Местом, которое оно занимает в каждое мгновение во вселенной, наше тело отличает части и аспекты материи, на кои мы могли бы воздействовать: наше восприятие, точно измеряющее наше внутреннее действие на вещи, ограничивается, таким образом, предметами, которые актуально влияют на наши органы и готовят наше движение. Роль тела не накапливать воспоминания, но просто выбирать полезное воспоминание, то, что дополнит и осветит наличное положение в виду действия, ясно выявляя его в сознании действительную силу, которую оно придает» (стр. 190).

Вышеизложенная теория памяти, которая, по заявлению самого автора (стр. 253), есть «центр» его работы, имеет не только психологическое, но и метафизическое значение. Автор сам указывает, что его теория памяти не совместима с утверждением, «что мы строим материю из наших внутренних состояний, что восприятие есть только правдивая галлюцинация» (стр. 257). Его учение о памяти и восприятии приводит к реалистической концепции материи. Наши восприятия выбирают из материи все то, что нужно нам для действия, а не видоизменяют эту материю, как думают идеалисты. «*Материя есть нечто от того, а не отличное от того, что дано фактически*» (стр. 63).

Учение Бергсона следует признать и глубокомысленным, и в значительной степени верным. Но мы думаем, что Бергсон с таким усердием доказывал, что наше тело есть только передатчик движения, и то, что «чистое восприятие» отлично обходится без представления, что он невольно дал в руки материализма новое орудие. Поэтому, когда мы у него читаем, напр., на стр. 160–161, следующее: «тот образ, который держится среди других образов, и который я называю своим телом, представляет в каждое мгновение... поперечный разрез всемирного осуществления. Это, стало быть, *место прохождения* полученных и отосланных движений, соединительная черта между вещами, на который действую я (курсив наш), и вещами, которые действуют на *меня* (курсив наш)»: когда мы читаем нечто подобное, то невольно думаем, кто это «я» и «меня», который действует и на которого действуют?..

Ведь по всему предыдущему выходит так, как будто бы прекрасно можно обойтись и без этого «я». Ведь все наше тело приспособлено исключительно

к действию, и это действие прекрасно обходится без чего-либо постороннего, ибо даже двигательный элемент памяти, который, собственно говоря, является выработанной организацией тела, — даже этот элемент есть нечто материальное, в сущности могущее прекрасно обойтись без пассивных «чистых воспоминаний».

Этот упрек относится лично к Бергсону лишь относительно той формы, в которой развилось его своеобразное учение, но по существу его можно сделать всем волюнтаристам. Ведь и волюнтаризм Шопенгауэра незаметно переходил в материализм. И мы думаем, что вообще волюнтаризму не удастся победить материализм: для победы над материализмом нужно в основу психических явлений поставить не волю-действие, а чувство.

Неопределенность и двусмысленность Бергсона в значительной степени обуславливается его произвольным пользованием термином «образ». Положить идею «образа» в основу всех явлений, связанных с восприятием и представлением, вполне законно. Но при этом нужно твердо помнить, что «образ» тем отличается от «предмета», что он есть продукт взаимодействия этого предмета с чем-то иным (этого утверждения могут не признавать только солипсисты, для которых и «предмета»-то никакого нет). А между тем это-то Бергсон постоянно и забывает: можно сказать, что вся аргументация Бергсона построена на забвении этого обстоятельства. Наприм., на стр. 160 он говорит: «Будучи образом, тело не может накоплять образы, так как оно составляет часть образов; и поэтому попытки локализовать в мозгу восприятия прошлые или даже наличные неосновательны: они не в нем, это он в них». Это не случайное место в книге Бергсона, это его основной аргумент, разлитый по всей его книге. А между тем, очевидно, что здесь Бергсон делает вышеуказанную ошибку. Он забывает, что мозг есть образ, когда его воспринимают, а не тогда, когда он сам воспринимает, и потому утверждать, что мозг не может воспринимать образов, потому что он сам образ, — значит по меньшей мере впадать в ошибку, известную в логике под названием *petitio principii*. Когда я рассматриваю в анатомическом театре чужой мозг, то для меня этот чужой мозг есть «образ». Даже когда я думаю о своем собственном мозге, то и мой мозг является для меня «образом», но, когда я думаю не о своем мозге, а своим мозгом, тогда никоим образом мой мозг не есть образ. Можно, конечно, утверждать, что люди не думают мозгом; это — другое дело: здесь мы только заявляем, что нельзя говорить так, как говорит Бергсон, нельзя утверждать, будто люди не могут думать мозгом потому, что мозг есть «образ». Значительный недочет в учении Бергсона в данном случае сделается еще яснее, когда мы процитируем следующие его слова: «Что всякая реальность имеет сродство, аналогию, отношение

с сознанием, это мы уступили идеализму, назвав вещи образами» (стр. 246). Не говоря уже о значительной неуверенности, сквозящей в этих словах («имеет сродство», — но какое? и в чем? — «мы уступили»), отметим только, что этим еще больше подчеркивается роль «образа» как взаимоотношения между «вещью» и «сознанием» и, следовательно, еще яснее становится, что мозг есть «образ» *лишь тогда, когда его воспринимают*.

Хотя Бергсон и утверждает (на стр. 243), что он довел дуализм материи и духа «до последней крайности», но назвав вещи «образами» и заявивши при этом, что термин «образ» указывает на то, что «всякая реальность имеет сродство... с сознанием», он получил возможность делать и такие заявления, которые весьма мало согласуются с дуализмом, доведенным «до последней крайности». Но дело запутывается еще более его учением о бессознательных психических явлениях. Бергсон признает два психические явления: действующее, или сознательное (стр. 149), и бессильное, или бессознательное (стр. 189). Он говорит: «Нам трудно признать *бессознательные* психологические *состояния* особенно потому, что принимаем сознание за основное свойство психологических состояний, так что психологическое состояние не может перестать быть сознательным, не перестав, по-видимому, существовать. Но если сознание только характерный признак *настоящего*, т. е. актуально переживаемого, т. е. *действующего*, тогда то, что не действует, может не принадлежать сознанию, не переставая, однако, существовать в иной форме» (стр. 148).

Это психическое состояние, которое не сознается, а существует, в какой-то «иной форме», способно внести полную путаницу в дуализм, доведенный до «последней крайности». Мы думаем, что против принятия существования бессознательных психических состояний можно привести не только то соображение, что с исчезновением сознания исчезают и психические состояния, но еще и заявления, что мы просто не понимаем, о чем идет речь, когда говорят о бессознательном психическом состоянии. Мы не можем себе представить, что останется от психического явления, если вычесть из него сознание. Нервный ток? Но тогда и будем говорить о материальном явлении, а не о психическом! Не стоит только истолковывать эти наши слова как заявление, будто мы не признаем существования психических явлений, *не признаваемых нами*. Напротив, мы не только уверены в том, что другие люди переживают психические состояния, признаваемые ими, но не признаваемые нами, — но мы знаем также, что у нас самих есть психические образования и процессы, которых *в данный момент* мы не сознаем. Но мы при этом думаем, что эти наши психические образования и процессы не бессознательны, а *внесознательны*, т. е. что они вследствие тех или иных обстоятельств, только *разобщены* с центральным со-

знанием нашего данного мгновения (подобно тому, как разобщены сознания двух отдельных людей). И вот почему мы уже много лет тому назад предложили заменить термин «бессознательное» термином «внесознательное».

2. Сорокин П. А. [Рец.:] Новые идеи в философии. Непериодическое издание, выходящее под редакцией проф. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. Сборник № 1. Философия и ее проблемы; Сборник № 2. Борьба за физическое мировоззрение. СПб., 1912. Изд. Образование // Запросы Жизни. СПб. 1912. № 39. 28 сентября

Пробудившийся в последнее время интерес к философии проявился у нас в росте числа философских работ, появившихся на книжном рынке и, в частности, в издании неперидических сборников по философии, знакомящих широкую публику с новыми течениями в этой области. Наряду с «Логосом» эту же цель преследуют и «Новые идеи в философии». Содержание первого сборника составляют статьи Бергсона «Философская интуиция», Э. Бутру — «Об отношении философии к науке», Г. Гомперца — «Задачи учения о мировоззрении», Э. Маха — «Философское и естественно-научное мышление» и Дильтея «Типы мировоззрения». Таким образом, в первом сборнике представлены пять течений, конечно, не исчерпывающих все основные направления современной философии, но дающих понятие об этих пяти течениях. Другие же направления будут представлены следующими сборниками.

Статья Бергсона (его речь на Болонском конгрессе) посвящена характеристике и выяснению интуиции как философского метода познания абсолюта, в отличие от анализа и кинематографичности научной мысли; первая в силу своей непосредственности представляет познание без символов, тогда как наука всегда имеет дело не с абсолютом, а только с его символами. В силу этого философское познание — абсолютно, научное — относительно. Этим же определяется и взаимоотношение философии и науки, в силу которого философия (вопреки обычному пониманию) никогда не была синтезом обычных наук (22). Данная статья, взятая вместе с его «Введением в метафизику», могла бы дать читателю довольно ясное представление о Бергсоне, отдельно же взятая, она оставляет неясными многие стороны его философии.

Содержание статьи Бутру видно из самого заглавия. Определяя философию как «корень науки и действия», как область разума, изучающую предпосылки действия и науки, он говорит, что «если отношение философии к науке не носит печать необходимости, то оно не случайно и произвольно. Есть известная солидарность между наукой и философией. Философия — это работа разума, пользующегося наукой и жизнью, чтобы осуществить самого себя» (52).

Статья Гомперца, излагающая основные принципы его космологии или учения о мировоззрении, совпадающего с его понятием о философии, представляет сокращенную 1-ю главу его труда «Учение о мировоззрении» (теперь имеется на русском языке, изд. Шиповник).

Статья Маха уже имелась раньше на русском языке (См. «Познание и заблуждение», 1-я глава), поэтому новинкой быть не может. Обширная же статья Дильтея вполне ясно и определенно рисует его взгляд на философию и дает попытку разрешения противоречия между претензией на общезначимость любой претензии — с одной стороны, и исторической анархией самих систем — с другой.

Еще более интересен 2-й сборник, вводящий, так сказать, в самую гущу борьбы в области физики между механизмом и энергетикой — с одной стороны и феноменологием и реализмом — с другой. Особенно интересна статья Абель Рея «Общий дух современной физики», представляющая ясную и вполне удачную защиту реализма физического познания, его объективности и связанной с этим ценности физического знания. В противоположность скептикам он разграничивает в физике две области: область самих физических отношений, формулируемых и схватываемых при помощи опыта, и область теорий и гипотез, «объясняющих» эти отношения. Первая область едина, неизменна и общезначима для всех физиков. Она и составляет сущность науки и дает нам объективные отношения, составляющие физическое явление. Что же касается самих теорий — то они могут изменяться и колебаться, но из этого не следует заключать ничего о колебании и неустойчивости самих *отношений* или области опыта, как это делают сторонники «субъективизма» в физике. В виду этого, физическое познание объективно и общезначимо в смысле общезначимости его для всех людей. В противоположность искусству, по существу субъективному (искусство — это «я»), наука, опирающаяся на опыт, всегда объективна (наука — «мы»).

Из остальных статей интересна статья Маха «Основные идеи моей естественно-научной теории познания», представляющая ответ Маха на критику его теории известным физиком М. Планком, и статья М. Планка «Теория физического познания Э. Маха» — ответ на статью Маха.

Энергетическое течение в физике представлено статьей Гельма «Границы применения в физике механических моделей». «Механическое мировоззрение, — по мнению Гельма, — это универсальный метод отображения, но оно не дает образа мира, вместе с расширением его теряется и его сила» (169), тогда как энергетика, стремящаяся вместо «отображения» формулировать «количественные отношения между естественными явлениями» (141), не имеет этого

дефекта и поэтому способна выражать и формулировать все физические явления. Из сказанного ясно, что энергетизм в понимании Гельма не есть онтологическое мировоззрение, а только *метод*.

Статья Дюгема дает понятие о «физике качества» или физике символов, статья Мило «Рациональная наука» посвящена решению вопроса о субъективных и объективных элементах в естественно-научном познании.

Таково, вкратце, содержание двух первых сборников; нельзя не приветствовать «нейтральность» редакторов сборников, стремящихся дать в них место различным направлениям.

3. Яковенко Б. [Рец.:] Философия Бергсона в популярном изложении г. Уильдона Карра. Перевел с английского И. Румер. М. Книгоиздательство «Творчество». Стр. 61. Ц. 30 к. // Русские Ведомости. М. 1912. 21 ноября

Книжечка Уильдона Карра, бесспорно, обладает всеми важными достоинствами популяризации. С одной стороны, она точна, ясна и кратка, делая благодаря этому доступным публике то, что в оригинале подчас представляет трудности даже и для специалиста. С другой стороны, она написана с увлечением, верой и любовью, придавая тем отвлеченным философствованиям жизненную теплоту и этим опять-таки приближая их уму и сердцу неискушенному философским опытом читателя. Но она может оказаться полезной также и для специалиста-философа. И прежде всего потому, что соответственно ее популяризаторским целям, в ней с особой силой подчеркиваются общие мотивы бергсоновской философии, зачастую утопающие у самого Бергсона, лишенного дара систематического изложения, в частности и деталях.

Для того, чтобы вполне овладеть философией Бергсона, мало протрудиться его книги; нужно самостоятельно продумать от начала и до конца его мысли, добраться до основных его принципов и придать им систематический порядок, что требует большой затраты умственных сил и большой потери времени. Книжечка Уильдона Карра позволяет быть экономнее в расходовании того и другого. Кроме того, благодаря ясности и выпуклости изложения, при чтении этой книжечки становятся непосредственно очевидными и недостатки бергсоновской философии. И главным образом, два следующих. Во-первых, философская концепция Бергсона глубоко догматична в своем исходе: она наивно и некритически опирает все свои построения, в том числе и гносеологические, на учении о жизни как абсолютном начале всего существующего. При этом, — что вполне естественно, — отсутствие непредвзятого гносеологического анализа сейчас же сказывается неустойчивостью, двусмысленной растяжимостью и нефиксированностью смысла понятий абсолютной жизни.

Во-вторых, та же самая двусмысленность и неустойчивость (и по той же самой причине) повторяется в ней относительно материи. Эта последняя то является началом, резко противоположным жизни, то оказывается моментом самой жизни (моментом мгновенной остановки жизненного потока в настоящем), то наконец рассматривается как продукт интеллекта. Такая многосмысленность понятия указывает на то, что дуализм отнюдь не превзойден Бергсоном: совсем не понятно, как и почему непрерывный поток жизни должен и может вдруг появиться в лице материи.

Все это побуждает нас горячо рекомендовать книжечку Уильдона Карра, к тому же переведенную прекрасным русским языком, вниманию интересующихся философией читателей.

4. Яковенко Б. [Рец.:] Анри Бергсон. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Перевод с французского А. Баулер. VIII+268. СПб. Изд. Д. Е. Жуковского, 1911. Ц. 1 р. 50 к. // Русские Ведомости. М. 1912. 19 декабря

В своей первой и лучшей книге «Время и свобода» (М., 1911 г.) Бергсон старается победить интеллектуалистическое понимание действительного мира в самом его принципе. Интеллектуалистическое миропредставление есть простая пространственная схематизация действительности, удобная для человека благодаря тому упрощению, которое она с собой приносит, но самой живой действительности не передающая. Эта последняя внутренне свободна, непрерывна и действенна. Ум не способен понять ее в ее подлинной сущности. Для этого необходима интуиция, сочувственное сопереживание действительности, свободное от всяких пространственных схем.

Настоящая книга Бергсона представляет собой применение этих общих принципов к специальной проблеме взаимоотношения между душой и телом. Для того, чтобы разрешить эту проблему, нужно перестать в этих пространственных схемах обособлять дух и тело как заведомо непримиримые сущности и стать на точку зрения самой действенной, временно-непрерывной и целокупной жизни. Тогда с одной стороны так называемый «внешний» и «материальный» мир вещей предстанет как система образов, как своего рода сознание, где все компенсируется и нейтрализуется; с другой же стороны, тогда восприятие получит смысл зарождающегося в сфере этих образов телесного действия, а память — виртуального присутствия в настоящем телесном действии возможных или прошлых действий. Другими словами, — вместо субстанциальной противоположности души и тела тогда удастся констатировать их внутреннюю родственность как различных полюсов развития одной и той

же действенной жизни. Отсюда ясно уже, что рассматриваемая книга Бергсона не ограничивается простым приложением принципов, раскрытых в первой его книге, к более специальной проблеме, а вдвухает в эти принципы совершенно новый дух. Непосредственное самонаблюдение, которым руководствуется та, заменяется здесь, — местами очень рельефно, — исследованием телесной, органической жизни, а чистый спиритуализм постепенно уступает свое место спиритуализму материалистическому, или же спиритуалистическому, творческому биологизму. Кроме того, нельзя не отметить, что с таким поворотом в значительной мере теряется и оригинальность бергсоновских спекуляций. То, что мы читаем у него о взаимоотношении души и тела и о сущности памяти, чрезвычайно напоминает учение о том же предмете Шуппе, Маха, Авенариуса. Сверх того, актуалистическая теория восприятия с гораздо большей ясностью и обстоятельностью разработана американцем Ройсом.

5. Яковенко Б. [Рец.:] Анри Бергсон. Восприятие изменчивости. Лекции, прочитанные в оксфордском университете 26-го и 27-го мая. Перевод с французского В. А. Флеровой. Издание Семенова. 1913. СПб. // Русские Ведомости. М. 1913. 16 января

В этих двух лекциях Бергсон дает новую формулировку своей философской точки зрения, высказывается по-новому относительно двух центральных пунктов своей философской концепции. Во-первых, как оказывается, проникнуть в сферу самой непрерывной и действенной реальности, освободившись от искажающих ее интеллектуалистических схем, значит «вернуться к восприятию» (9, 21). Только, конечно, восприятие должно быть при этом «расширено», оторвано от своей практической функции, «разрывающей подлинную действительность и ее уже систематизирующей». Нужно заставить восприятие прильнуть к самой действительности и смотреть на вещь «не для себя, а для нее самой» (15). Во-вторых, отрицать за действительностью субстанциональность, как неподвижную, статическую, пространственную ее схематизацию, еще не значит отрицать за нею субстанциональность вообще. Ибо, будучи взята в своей непрерывной текучести и изменчивости, в своей неделимой временности, действительность тоже субстанциональна: сама непрерывная текучесть и изменчивость, само время есть субстанция (31 сл., 41). «Изменчивость довлеет самой себе, она и есть сама вещь» (29).

Разумеется, эта новая формулировка вовсе не является чем-нибудь неожиданным. Кто внимательно читал другие произведения Бергсона, особенно «Материю и память» (СПб., 1911) и «Творческую эволюцию» (М., 1908), тот должен был предчувствовать ее неизбежность, неизбежность сближения Бергсона с

точкой зрения Авенариуса и догматического обновления субстанциональности. Но вполне ясно и открыто это до сих пор не было высказано Бергсоном, и сенсуалистический мотив его философствований, столь существенный и важный на деле, был скрыт и неотчетлив в прежних формулировках его точки зрения. Раскрывая теперь эту сторону своей философской позиции, Бергсон вместе с тем облегчает дело ее критики. Слишком уже очевидно, с одной стороны, противоречие между обвинением восприятия в схематичности и практичности и признанием его источником адекватного познания, т. е. между спиритуалистическими исходами его учения и его сенсуалистическим концом; а с другой стороны, не менее наглядна и противоречивость между самой непримиримой борьбой Бергсона с субстанциональностью вообще и превращением в субстанциональность того, что ей противопоставлялось, как нечто абсолютно не субстанциональное. Такова судьба всех учений, которые критичны только с виду, по существу же своему не производят и не ведают предварительного гносеологического анализа.

Перевод читается легко, хотя и не лишен не совсем удачных оборотов.

6. Яковенко Б. [Рец.:] Анри Бергсон. 1) Психологический паралогизм; 2) Сновидение. Перевод с французского В. А. Флеровой. Издание М. И. Семенова. СПб., 1913. Стр. 60. Ц. 50 к. // Русские Ведомости. М. 1913. 6 марта

За какую бы философскую тему ни взялся Бергсон, каким бы отдельным философским вопросом ни занялся, всегда можно ожидать от него совершенно самостоятельного и глубоко продуманного ответа на поставленный вопрос. Позволяет ему это оригинальность выработанной им точки зрения, и острота его аналитического ума, и та подлинная умственная серьезность, которой характеризуется только высокий дух. В настоящей брошюре содержатся два доклада Бергсона, из которых первый был читан им на втором международном конгрессе по философии в 1904 году, а второй прочтен в виде лекции в парижском психологическом институте в 1901 году. В этом последнем Бергсон дает блестящий психологический анализ сна. Два фактора, по его мнению, конституируют собой сон: 1) зрительные, слуховые и иного рода восприятия, получаемые нами либо внутренне от органических состояний, либо извне и составляющие собой материал сновидений, и 2) воспоминания, дающие этому материалу форму. И состав, и процесс сновидений тот же, что и бодрственного состояния; разница между сном и бодрствованием та, что во время сна наши способности ослаблены, при бодрствовании же напряжены. «Спать — это потерять интерес» (51), «бодрствовать и хотеть — это одно и то же» (55). Сну недостает точности, ответственности, здравости воспоминаний и ясности восприятия, что

дается бодрствующему состоянию усилием. «Иметь здравый смысл очень утомительно». Что касается до первого своего доклада, то в нем Бергсон вскрывает с поразительной остротой внутреннее противоречие, разъедающее основоположение психофизического параллелизма. Это последнее, как показывает он, подразумевает постоянное подсознательное «умственное фокусничество» (10), позволяющее мгновенно и для себя незаметно менять идеалистическую точку зрения на реалистическую, и наоборот. Между тем с идеалистической точки зрения никакого параллелизма между психикой и мозгом быть не может, потому что в ее глазах и самый мозг есть только комплекс образов; с реалистической же точки зрения его не может быть потому, что, предполагая за пределами образов и данности подлинную сущность, она тем самым запрещает себе характеризовать это подлинное бытие в терминах данности какого-либо одного порядка (напр., в терминах нервно-мозговых явлений).

Перевод нельзя считать вполне удавшимся: он сделан достаточно-таки неряшливо.

7. Юшкевич П. [Рец.:] E. Le Roy. Une philosophie nouvelle, 3 éd 1913 г. Félix Alcan; J. Desaynard. Le pensée d'Henri Bergson. Mercure de France; J. Segond. L'Intuition bergsonienne. 1913 г. Félix Alcan; R. Berthelot. Un romanisme utilitaire: Etude sur le mouvement pragmatisme. Le pragmatisme chez Bergson. 1913 г. Felix Alcan // Вестник Европы. СПб. 1913. Ноябрь

На философском небе за последнее время загорелась новая яркая звезда. Это А. Бергсон. Деятельность Бергсона длится уже около четверти века (первое, — и, по мнению некоторых, — лучшее из его основных произведений: «Essai sur les données immédiates de la conscience», — появилось в 1889 г.). Огромное имя Бергсон имеет уже давно во Франции, где у него масса восторженных поклонников, где каждая книга его составляет целое событие, не только философское, но и общелитературное, где, с одной стороны, синдикалисты, а с другой католики-модернисты ищут в его теориях опоры для своих воззрений. Но мировой философской величиной Бергсон стал только за последние годы, после выхода его последней книги «Творческая эволюция» (1907 г.), после Болонского философского конгресса, одно из заседаний которого превратилось в настоящую овацию французскому мыслителю. О Бергсоне теперь много пишут. Существует уже довольно значительная литература о его философии в виде бесчисленного множества статей в различных философских и общих журналах и целого ряда книг, — главным образом, конечно, французских авторов. На некоторых из французских новинок в области Bergsoniana я и остановлюсь в предлагаемой заметке.

Для читателя, желающего войти в строй мысли Бергсона и уловить дух его учения, может быть, лучше всего начать с книги Э. Ле Руа. Ле Руа, один из теоретиков католического модернизма во Франции, не ученик Бергсона. Это очень талантливый, самостоятельный и обладающий литературным даром мыслитель, своим особым путем пришедший ко взглядам, во многом сходным с концепциями Бергсона. Когда он познакомился с учением последнего, то в нем он нашел — как он рассказывает в предисловии к разбираемой книге — «блестящее осуществление некоего предчувствия и некоего желания». В работах Бергсона Ле Руа видит одно из самых славных деяний нашей эпохи. Они, по его мнению, отмечают дату, которой история не забудет, открывают новый фазис в развитии метафизической мысли. Революцию, произведенную Бергсоном в философии, можно сравнить по значению с кантовским или даже сократовским переворотом.

В первых двух главах Ле Руа дает общий очерк метода и учения Бергсона. В дополнительных статьях он касается целого ряда проблем, рассмотренных французским мыслителем: теории восприятия, проблемы эволюции, учения о логическом мышлении и индукции, и т. п. В заключение он указывает в немногих словах на возможность дальнейшего развития системы в сторону религиозной философии и моральной философии. Изложение Ле Руа, яркое и образное по форме, заинтересовывает читателя. Что касается внутренних достоинств его, то лучшей рекомендацией в этом отношении может быть весьма лестный отзыв самого Бергсона, приведенный в предисловии к книге.

Очень живо и интересно написана небольшая книжка Дезэмара, пытающаяся вскрыть основные мотивы философии Бергсона.

Любопытно задумана книга Сегона, он указывает на ряд антитез, характерных для философии Бергсона и проходящих через все его главные произведения. Это дуализм количества и качества, однородного пространства и живой длительности, материи и жизни, жизни и духа, необходимости и свободы, науки и искусства, общества и личности, речи и мысли, логики и интуиции, действия и чистого сознания, науки и метафизики, — дуализм, в котором Бергсон отдает предпочтение второму члену каждой антитетической пары. Сегон пытается в своей работе вскрыть внутреннюю связь и филиацию всех этих антитетических пар, доказывая кажущийся характер всех заключенных здесь антиномий, находящих в интуиции принцип примирения. В последней главе Сегон исследует религиозные «средства» бергсонизма. Интересная по замыслу работа Сегона сильно испорчена однако необычным для французского автора тяжелым стилем, странной конструкцией предложений и отдельных слов в предложениях.

Книга Р. Бертло представляет наиболее тщательное и подробное исследование философии Бергсона. Она составляет второй том обширного исследования о прагматическом движении. Первый том был посвящен прагматизму Ницше и Пуанкаре. Следуя методу, примененному им в первой своей работе, французский автор излагает сперва воззрения Бергсона, подчеркивая в них элементы прагматизма. Это составляет содержание первых трех глав книги. Глава IV занимается сравнением прагматизма у Бергсона, Пуанкаре и Ницше. Затем идет ряд глав, посвященных исследованию вопроса об источниках бергсоновского прагматизма. Бертло указывает на влияние, с одной стороны, романтического потока идей, идущего из Равессона, а через него от Шеллинга, и дальше от виталистической медицины XVIII в. и, наконец, от Александрийской философии (Плотин), а с другой, на влияние потока эмпирического утилитаризма (философия Спенсера, а через нее эмпирическая английская психология последних двух веков). Вторая — и большая — половина книги посвящена критике бергсоновской философии, критике его философии математики, философии физики, философии биологии, его учения об интуиции и свободе и т. д. Бертло указывает здесь на ряд противоречий в некоторых, наиболее основных, воззрениях Бергсона, на многозначный характер таких коренных для его философии понятий, как «непосредственный», «интуиция», на неправильное толкование им современного естествознания и математики, и пр. Бертло совсем не разделяет преувеличенных восторгов поклонников, и в частности не разделяет мнения об исключительной оригинальности его воззрений. Бергсон, по его мнению, обладает большим талантом представлять старые идеи в совершенно новом и блестящем виде. Разыскивая в «новизне» Бергсона «старину» философской традиции, Бертло до того увлекается своим историческим анализом, что временами не оставляет почти ничего своего Бергсону, между тем как, в конце концов, он признает вполне оригинальным достоянием автора «Творческой эволюции» его учение о длительности, о психологическом времени, как чем-то отличным от однородного времени науки. В этом отношении он сравнивает его с Беркли, который сделал аналогичную работу по вопросу о пространстве, противопоставив психологическому пространству однородное пространство геометра. Да и вообще Бертло находит много общего в философской деятельности епископа Клоинского и автора «Творческой эволюции», параллелью меж которыми заканчивается книга. «Есть мыслители, пишет он, творческая оригинальность которых обновляет философские проблемы: таков, например, Сократ, таков Декарт. Есть иные мыслители, всеобъемлющий ум которых координирует и располагает в иерархическом порядке различные возможные точки зрения в философии:

таков, например, Платон, таков Гегель. Иные, не имеющие ни этой революционной оригинальности, ни этого гигантского охвата мысли, вводят, по крайней мере, остроумные и плодотворные различия при изучении частных проблем. Это младшие мастера (*petis maîtres*) философии. Они для философии то, чем является для музыки, скажем, Шопен. Таков был некогда Беркли, таков ныне Бергсон».

8. Владимиров М. [Жаботинский В. Е.]. Анри Бергсон // Утро Юга. Ростов-на-Дону. 1914. 25 июля

Имя Бергсона все чаще повторяется в нашей периодической печати. Уже вышел 5-й том его сочинений в издании Семенова. Учение его завоевывает все больше круг почитателей.

Всякая философия, чтобы быть руководящей, должна являться синтезом той массы знаний, которая накоплена человечеством к данному моменту. Кроме того, совокупив в стройную систему все приобретенное, новая философия, чтобы иметь успех, должна служить отправной точкой для будущих завоеваний человечества в области мысли.

Такой стройной попыткой дать объяснения сущего и является учение Бергсона.

Метафизика потерпела крушение. Человечеству не удалось «объять необъятное». Позитивизм в своих основных положениях потерпеть крушения не может. Он может быть только углублен, но в корне своем это учение скромно. Оно не претендует на постижение начала всех начал, как и на разгадку тайн и целей мироздания. Оно довольствуется тем, что человек упорно внедряется своим сознанием в природу явлений с целью, изучив все, что доступно изучению непосредственным ли путем, или путем долгого опыта и наблюдения посредством усовершенствованных приборов, сделать человеческую жизнь на земле более сносной.

Метафизика сыграла свою роль: она научила нас строго, правильно мыслить и утвердила категорические императивы того минимума морали, которая должна царствовать в общежитии.

Позитивизму XIX век обязан колоссальными успехами технического прогресса. Электрическое освещение, волшебный экран биографа, телефон, аэроплан — дети позитивизма. Но вот на заре XX столетия, казалось, незыблемые основы таких положительных наук, как математика, физика и химия, начинают рушиться. В особенности потерпела старая химия. Учение о простых телах, об атомах, о том, что атомы являются незыблемыми и неразрушимыми частями тел на наших глазах разрушается, и дети наши с улыбкой станут читать те

учебники химии и физики, какие изучали мы. Учение об электронах, об эфире, открытие радия, обновило совершенно эти науки. Наконец, возможность превращения одного элемента в другой — эта проблема почти накануне разрешения; — по крайней мере, так утверждает первый химик нашего времени английский профессор Рамзай.

Из того, что старая наука обветшала, что человечество сделало новые открытия, даже из того, что для этих открытий будут применять новые методы — не следует, что наука — банкрот. Напротив, старая наука и старые методы и привели, наконец, к тому, что мы называем новыми открытиями и новой наукой. Эта новая наука сослужит свою службу и уступит новейшей и новейшим методам. Так было с начала творчества человеческой мысли и, несомненно, это будет наблюдаться до того момента, как на земле умрет жизнь.

Но надо модернизировать науку и философию. И это блестяще делает Бергсон. Он вводит новый элемент — поэзию в науку и философию. Это дорого не стоит, но получается красивый эффект.

Бергсон вооружается на кантовские категории и объявляет их предсказуемость. Время, пространство — это только слова, за ними ничего не скрывается. Мы оперируем с бесконечностью. А затем открывается область красивой фантастики. Все дело в интуиции. Откровением постигаем мы сущее. Возможность таких откровений бесконечна, так как человек и космос проникают друг в друга взаимно и находятся в постоянном контакте. Достижение бесконечных возможностей внезапными озарениями — толчками, — вот путь человеческой мысли, как будто черной работы опыта никогда на земле и не существовало.

Человек — микрокосм, живущий в макрокосме, — должен жить всем — разумом, чувствами, ощущениями; но разуму отводится в системе Бергсона второе место: он не творец; он ничего не создает, он только фиксирует то, что достигнуто озарением, интуицией, т. е. откровением.

Как видите, Бергсон сдобрил сухую философию поэзией. Вреда от этого не получилось. Напротив, учение Бергсона привлекательно, радостно и смело. Он учит радоваться жизни, как драгоценному дару, идти навстречу солнцу и весне, смеяться, любить людей и встречать с улыбкой на устах смерть, как переход к лучшей жизни. Розовая заря, розовая жизнь без страданий — цель его достижений. Красивая песня, искусство — средство украсить жизнь. Наука — как радость откровения — вот обаятельное учение Анри Бергсона. Дай Бог, чтобы и нам, русским, оно пришлось по душе. Быть может оно развеет тот кошмар, который давит душу и мысль нашей интеллигенции уже много лет.

9. Лосский Н. [Рец.:] Н. Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. F. Alcan Paris, 1932. (346 pp.) // Новый Град. 5. Париж. 1932

Новый труд Бергсона, долгожданное завершение его системы, содержит в себе основы этики и философии религии. Бергсон различает два типа морали — замкнутую (относительную) и открытую, абсолютную. Первая имеет в виду нужды ограниченного круга существ, индивидуума, его семьи, его отечества; вторая охватывает все человечество, даже весь мир. Перейти от первой морали ко второй путем постепенного расширения круга охватываемых ею существ нельзя, потому что различие между этими двумя типами морали не количественное, а качественное. Замкнутая мораль есть созданное природою приспособление человека, имеющее целью самосохранение и благополучие индивидуума и общества. Она основана на безличных привычках, социальном принуждении, стремлении к удовольствию, включает в себя возможность и даже иногда необходимость ненависти; наоборот, абсолютная мораль исходит из всеобъемлющей любви, основана на мистическом религиозном опыте, осуществляется с энтузиазмом, дает не удовольствие, а радость, творится личными усилиями этических гениев и распространяется путем личного подражания им. Одним словом, замкнутая мораль имеет биологическую основу, абсолютная мораль — мистическую. Чтобы понять глубже соотношение их, нужно перейти к рассмотрению двух типов религии — статической и динамической.

К области статической религии Бергсон относит все религии, включая и христианскую, поскольку они выражают сферу божественную в ограниченных образах и понятиях. Религия в этом ее аспекте есть по Бергсону «защитная реакция против всего того в деятельности интеллекта, что могло бы угнетать индивидуума и разлагать общество» (219) (защита от эгоизма, рекомендуемого интеллектом, от страха смерти, магия как защита от случайностей). Содержание этой религии вырабатывается способностью «фабуляции», создающей фикции.

Статическая религия инфраинтеллектуальна; наоборот, динамическая религия супраинтеллектуальна. Она опирается на мистическое соединение души человека с Богом, дающее опытное доказательство бытия Бога (257). Но этого мало, высшая ступень мистики, достигаемая не греческой философией и не индуистскими религиями, а христианством, не останавливается на созерцательных состояниях, а ведет к величайшему напряжению активности путем слияния воли индивидуума с волею Божиею (248).

В книге Бергсона, как и в предыдущих его трудах, много блестящих мыслей, выраженных красивым языком. Особенно ценны доводы в пользу объек-

тивности мистического опыта и общие соображения о мистицизме, подтверждаемые современной философскою литературою, проникающею все глубже в эту область жизни духа.

К сожалению, однако, существеннейшие проблемы философии религии в книге Бергсона не только не решены, но даже иногда и не затронуты. О Боге вскользь сказано, что Он есть Любовь и предмет любви (270), что Он творит творцов, достойных Его любви (273). Но каково отношение Бога и мира, следует ли его понимать в духе пантеизма или теизма или как-то иначе, на это нет и намеков в книге. Поднимая вопрос о бессмертии, Бергсон говорит, что можно допустить сохранение личности после смерти, потому что у нее есть функции, независимые от тела, однако есть ли это переживание тела на время или навсегда, этот вопрос оставляется не решенным (283). Проблема зла не только не решена, но даже и не поставлена.

Кроме неполноты, труду Бергсона присущ еще другой, более серьезный недостаток: крайний биологизм в учении о замкнутой (относительной) морали и статической религии, откуда получается утилитарно-эвдемонистическое понимание замкнутой морали и статической религии, а также субъективирование содержания статической религии. Можно попытаться защитить Бергсона указанием на то, что фактическая мораль и религия, по его учению, всегда содержит в себе сочетание обоих найденных им видов религиозно-нравственной жизни и что он только в абстракции намечает два полюса этих проявлений — небесный и земной. Однако эта попытка защиты недостаточна. Сам Бергсон признает, что мистик на низших ступенях единения с Богом, сопутствуемых видениями, угадывает присутствие силы Божией «сквозь символическое видение» (248). Это возможно лишь в том случае, если символические образы христианской религии понимаются не как субъективная фабуляция, а как «реальные символы», в которых, сообразно нашей ступени понимания, Бог вступает с нами в реальное общение (такой реалистический символизм развит, например, в книге Бердяева «Философия свободного духа»). Отсюда намечается возможность философии религии, которая истолковывает историю «статических» религий, как постепенное осознание человеком Бога и божественных сил в мире; неизбежная в этом процессе «фабуляция» осуществляется на реальной основе. Замечательные попытки такого понимания истории религии даны Шеллингом и Эд. Гартманном.

Также и в нравственной деятельности человека на основе «замкнутой» морали, кроме стороны биологического приспособления, есть момент подлинно нравственный, именно *бескорыстная* реализация относительных ценностей (например, бескорыстный патриотизм как одна из слагаемых поведения

участников войны). Объяснить эту слагаемую нельзя ни ссылкой на биологические факторы, ни указанием на мистическое единение с Богом. Для понимания этой самой обширной сферы нравственных проявлений человека в земных условиях нужно разработать учение о положительном значении носительных ценностей земного бытия, учение о иерархии их и о восприятии их человеком.

Список источников

А. Бергсон: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. И. И. Евлампиева. СПб.: РХГА, 2015. 878 с.

Белюс В. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2005. Кн. 1: Предыстория. Заседания. 842 с.; Кн. 2: Хроника. Портреты. 800 с.

Бергсон А. Собрание сочинений. СПб.: Изд. М. И. Семенова, 1913–1914. Т. 1–5.

Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Paris: YMCA-Press, 1989. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. 712 с.

Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 672 с.

Блауберг И. О бергсоновском следе в философии С. А. Аскольдова // Исследования по истории русской мысли [7]: Ежегодник за 2004/2005 год / под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М.: Модест Колеров, 2007. С. 71–80.

Ершов М. Н. Идеология и технология в духовной жизни современной эпохи. Владивосток: Т-во «Свобод. Россия», 1921. 38 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений: в 30 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга; ПСТГУ, 1993–2015. Т. 1–30.

Колеров М. А. К большой программе исследования русской философии: первые выводы из издательского опыта последних 30 лет. URL: <https://rhga.ru/science/conferences/rusm/seminar.php?ID=20441> (дата обращения: 02.04.2022).

Колеров М. А. Новый русский штрих о Бергсоне и реферативный жанр в России: Реферат «Бакунин и Бергсон (К 100-летию со дня рождения)» (1914) // Русский Сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов. Т. XXXI. М.: Модест Колеров, 2021. С. 422–434.

Колеров М. А. Петр Струве: революционер без масс, 1870–1918. Приложение: Новое собрание сочинений П. Б. Струве (1903–1917). М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2020. 459 с.

Колеров М. А. Предшественник образа-теории В. А. Маклакова о «безумном шофере» монархии: Е. Н. Трубецкой «Поучительная катастрофа» (1905) // Коле-

ров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. С. 36–46.

Ловицкий Г. Л. Время Эйнштейна и длительность Бергсона. Dureé et simultanéité. A propos de la théorie d'Einstein. Par Henri Bergson. Paris, F. Alcon, 1922 // Современные Записки. 1923. № XIV, I. Париж.

Мокиевский П. Философия Анри Бергсона // Русское Богатство. 1909. № 6, II отд.

Нэтеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / пер. с фр. и предисл. И. Блауберг. М.: Модест Колеров, 2008. 432 с.

Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): история в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. / сост. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 1–3.

Розанов В. В. Полное собрание сочинений: в 35 т. СПб.: Росток, 2014–. На 2017 г. издано 7 т. Изд. продолжается.

Розанов В. В. Собрание сочинений. М.: Республика, 1994–2010. Т. 1–30.

Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. 495 с.

Сорокин П. А. Собрание сочинений. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. Т. 1: Ранние сочинения. 1910–1914. 832 с.

Струве П. Б. «Русская свобода и Великая Россия». Публицистика 1917–1920 гг. / сост. А. А. Чемакин и А. А. Пигарев. М.: Фонд «Связь Эпох»; Издательский центр «Воевода», 2020. 350 с.

Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935) / вступ. ст. М. Г. Вандалковской, Н. А. Струве, подгот. текста А. Н. Шаханова. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 869 с.

Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. / сост. С. С. Бычков. М.: Мартис; SAM & SAM, 1996–2004.

Филиппенко Н. Киевские философские общества начала XX века. М.: Модест Колеров, 2021. 298 с.

Франк С. Л. Полное собрание сочинений / под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: ПСТГУ, 2018–. На 2022 г. издано 4 т. Изд. продолжается.

Франк С. Основная интуиция Бергсона (1941) / пер. с фр. и коммент. И. Блауберг // Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010/2011 год / под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М.: Модест Колеров, 2014. С. 510–523.

Шкловский В. Б. Собрание сочинений / сост. И. Калинин. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1: Революция. 1032 с.

Шульгин В. В. «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост. А. А. Чемакин. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 752 с.

References

- Evlampiev, I. I. (ed.) (2015) *A. Bergson: pro et contra, antologiya* [A. Bergson: pro et contra, anthology]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
- Belous, V. (2005) *VOL'FILA [Petrogradskaya Vol'naya Filosofskaya Assotsiatsiya]: 1919–1924 [WOLFILA [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924]*. Moscow: Modest Kolerov i “Tri Kvadrata”.
- Bergson, A. (1913–1914) *Sobranie sochinenii [Collected works]* (5 vols). St. Petersburg: M. I. Semenov.
- Berdyayev, N. A. (1989) *Sobranie sochinenii. Tom 3: Tipy religioznoi mysli v Rossii [Collected works. Vol. 3: Types of Religious Thought in Russia]*. Paris: YMCA-Press.
- Blauberg, I. I. (2003) *Anri Bergson [Henri Bergson]*. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Blauberg, I. (2007) “O bergsonovskom slede v filosofii S. A. Askol'dova” [“About the Bergson trace in the philosophy of S. A. Askoldov”], in Kolerov, M. A. and Plotnikov, N. S. (eds) *Issledovaniya po istorii russkoi mysli [7]: Ezhegodnik za 2004/2005 god [Studies on the History of Russian Thought [7]: Yearbook for 2004/2005]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 71–80.
- Ershov, M. N. (1921) *Ideologiya i tekhnologiya v dukhovnoi zhizni sovremennoi epokhi [Ideology and technology in the spiritual life of the modern era]*. Vladivostok: Tovarishchestvo “Svobod. Rossiya”.
- Il'in, I. A. (1993–2015) *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Collected works: 30 vols]*. Comp. and comments by Yu. T. Lisitsa. Moscow: Russkaya kniga; PSTGU.
- Kolerov, M. A. (2022) *K bol'shoi programme issledovaniya russkoi filosofii: pervye vyvody iz izdatel'skogo opyta poslednikh 30 let [To the large program of research of Russian philosophy: the first conclusions from the publishing experience of the last 30 years]*. Available at: <https://rhga.ru/science/conferences/rusm/seminar.php?ID=20441> (Accessed: 02 April 2022).
- Kolerov, M. A. (2021) “Novyi russkii shtrikh o Bergsone i referativnyi zhanr v Rossii: Referat ‘Bakunin i Bergson (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya)’ (1914)” [“A new Russian touch about Bergson and the abstract genre in Russia: Abstract ‘Bakunin and Bergson (To the 100th anniversary of his birth)’ (1914)”], in Airapetov, O. R. et al. (eds) *Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii: arkhivnye nakhodki i istochnikovedenie. Tom XXXI [Russian Collection: Studies on the history of Russia: archival finds and source studies. Vol. 31]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 422–434.
- Kolerov, M. A. (2020) *Petr Struve: revolyutsioner bez mass, 1870–1918. Prilozhenie: Novoe sobranie sochinenii P. B. Struve (1903–1917) [Peter Struve: A Revolutionary without the masses, 1870–1918. Appendix: A new collection of works by P. B. Struve (1903–1917)]*. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina “Tsiolkovskii”.

Kolerov, M. A. (2018) “Predshestvennik obraza-teorii V. A. Maklakova o ‘bezumnom shofere’ monarkhii: E. N. Trubetskoi ‘Pouchitel’naya katastrofa’ (1905)” [“The predecessor of V. A. Maklakov’s image-theory about the ‘mad chauffeur’ of the monarchy: E. N. Trubetskoy’s ‘Instructive Catastrophe’ (1905)”], in Kolerov, M. A. *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904–1927. Ocherki i dokumenty* [Archeology of Russian Political Idealism: 1904–1927. Essays and documents]. Moscow: Common place, pp. 36–46.

Lovtskii, G. L. (1923) “Vremya Einšteina i dlitel’nost’ Bergsona. Dureé et simultanéité. A propos de la théorie d’Einstein. Par Henri Bergson. Paris, F. Alcon, 1922”, *Sovremennye Zapiski* [Modern Notes], XIV(I), Paris.

Mokievskii, P. (1909) “Filosofiya Anri Bergsona” [“Philosophy of Henri Bergson”], *Russkoe Bogatstvo* [Russian Wealth], 6(II).

Neterkott, F. (2008) *Filosofskaya vstrecha: Bergson v Rossii (1907–1917)* [Philosophical meeting: Bergson in Russia (1907–1917)]. Translated from the French and Preface by I. Blauberg. Moscow: Modest Kolerov.

Ermishina, O. T. et al. (eds) (2009) *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917: v 3 tomakh* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd): history in materials and documents: 1907–1917: 3 vols]. Moscow: Russkii put’.

Rozanov, V. V. (2014–) *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [Complete works: 35 vols]. St. Petersburg: Rostok.

Rozanov, V. V. (1994–2010) *Sobranie sochinenii* [Collected works] (30 vols). Moscow: Respublika.

Sobolev, A. V. (2008) *O russkoi filosofii* [On Russian philosophy]. St. Petersburg: Mir.

Sorokin, P. A. (2014) *Sobranie sochinenii. Tom 1: Rannie sochineniya. 1910–1914* [Collected works. Vol 1: Early writings. 1910–1914]. St. Petersburg: Mir.

Struve, P. B. (2020) “*Russkaya svoboda i Velikaya Rossiya*”. *Publitsistika 1917–1920 godov* [“Russian Freedom and Great Russia”. Journalism of 1917–1920]. Comp. by A. A. Chemakin and A. A. Pigarev. Moscow: Fond “Svyaz’ Epokh”; Izdatel’skii tsentr “Voevoda”.

Struve, P. B. (2004) *Dnevnik politika (1925–1935)* [Diary of a politician (1925–1935)]. Preface by M. G. Vandalkovskaya and N. A. Struve, text preparation by A. N. Shakhanov. Moscow: Russkii put’; Parizh: YMCA-Press.

Fedotov, G. P. (1996–2004) *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected works: 12 vols]. Comp. by S. S. Bychkov. Moscow: Martis; SAM & SAM.

Filippenko, N. (2021) *Kievskie filosofskie obshchestva nachala XX veka* [Kiev philosophical societies of the beginning of the 20th century]. Moscow: Modest Kolerov.

Frank, S. L. (2018–) *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Ed. by G. E. Alyaev, K. M. Antonov and T. N. Rezvykh. Moscow: PSTGU.

Frank, S. (2014) “Osnovnaya intuitsiya Bergsona (1941)” [“Bergson’s Basic Intuition (1941)”]. Transl. from the French and comments by I. Blauberg, in Kolerov, M. A. and Plotnikov, N. S. (eds) *Issledovaniya po istorii russkoi mysli [10]: Ezhegodnik za 2010/2011 god [Studies on the history of Russian Thought [10]: Yearbook for 2010/2011]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 510–523.

Shklovskii, V. B. (2019) *Sobranie sochinenii. Tom 1: Revolyutsiya [Collected works. Vol. 1: Revolution]*. Comp. by I. Kalinin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Shul’gin, V. V. (2020) “Belye mysli”. *Publitsistika 1917–1920 godov [“White thoughts”. Journalism of 1917–1920]*. Comp. by A. A. Chemakin. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon.

Информация об авторе: Модест Алексеевич Колеров — кандидат исторических наук, начальник отдела изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Адрес: Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17, стр. 2.

Information about the author: Modest A. Kolerov — PhD in History, Head of the Department for the study and Publication of Documents of the State archive of the Russian Federation. Address: 2 17 Bolshaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 24.04.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 10.06.2023.